

В. В. ЗЕНЬКОВСКИЙ**<В. Г. Белинский>****<Фрагменты>**

Вокруг имени В. Г. Белинского в истории русской мысли давно ведется спор. Не мало серьезных исследователей было склонно отрицать всякое значение Белинского в истории русской философии. Еще недавно с чрезвычайной силой против «незаслуженной репутации» Белинского выступил Д. И. Чижевский в своей выдающейся книге «Гегель в России» *.

Я лично не разделяю этой несколько придиричливой критики Белинского, которая объясняется преимущественно реакцией против преувеличенных восхвалений его. Но советские авторы сделали Белинского выдающимся материалистом. По утверждению, например, «Краткого философского словаря», Белинского надо зачислить в ряды «выдающихся» представителей русской материалистической философии **.

Осведомленный читатель не без изумления узнает, что Белинский, «став сознательным, убежденным материалистом, страстно отстаивал принципы материалистической философии» ***.

Максимов в известной уже нам книге помещает Белинского в главу о «корифеях естествознания — материалистах», и тут мы с удивлением читаем, что именно «естествознание являлось прочной опорой в построении Белинским материалистической философии» ****.

И. Я. Щипанов, автор очерка о В. Г. Белинском в книге «Из истории русской философии», именует Белинского «великим мыслителем». Впрочем, у него оказывается, что в переходе к материализму «в воззрениях на природу» у Белинского имели все же значение знакомые нам статьи Герцена по натурфилософии *****.

---

* Д. И. Чижевский. Гегель в России, Париж, 1939, гл. VI.

** Краткий философский словарь, Москва, 1954, стр. 46.

*** Там же, стр. 47.

**** А. А. Максимов. Очерки по истории борьбы за материализм в русском естествознании. М., 1947. С. 164.

***** Из истории русской философии. Сборник статей под ред. И. Я. Щипанова, Москва, 1951, стр. 232.

По утверждению того же Щипанова, «Белинский выступает с 1844–1845 годов, как окончательно сложившийся материалист» *.

Дальше Щипанов уже оперирует смело с этим положением, выставленным им, но отнюдь не доказанным, и прямо пишет: «Будучи материалистом в понимании природы...» ** Эти постоянные утверждения рассчитаны на то, очевидно, чтобы внедрить читателю мысль о материализме Белинского.

Есть довольно простой способ высмеять человека, приписывая ему чрезмерные заслуги, преувеличивая его достоинства. Но этого ли добиваются советские авторы? Если они чтут Белинского за его революционную и социалистическую настроенность в последние годы жизни, то следовало бы избавить память его от приписывания ему несуществующих достоинств.

Для почитателей Белинского, к которым относится и автор настоящей работы, прямо невыносимо читать, что Белинский был «великим мыслителем», что он был «убежденным материалистом».

Истинное значение — притом не малое — Белинского открывается лишь при изучении всей той напряженной мыслительной работы, которая шла в России в тридцатых — сороковых годах, но для этого надо вставить в изучение Белинского общую характеристику этого периода. Из всей плеяды русских мыслителей этого времени советским авторам позволено коснуться лишь одного Герцена, влияние которого на Белинского было в действительности слабым сравнительно с влиянием Н. В. Станкевича и М. А. Бакунина.

Вся идейная жизнь этого времени, которая так мастерски обрисована Герценом в его книгах «Былое и думы», связана с именами Чаадаева, Хомякова, Киреевского, К. Аксакова, Самарина, кн. Одоевского, Станкевича, Бакунина, Боткина и, конечно, Белинского. Но Белинский вовсе не был «великим» мыслителем, хотя у него была, по выражению Одоевского, «философская голова», то же, что в нем было оригинального и замечательного, было связано с целостностью его духовного типа. Те три периода (фихтеянство, гегельянство, социальный персонализм), через которые прошло развитие Белинского ***, все отличались редкой внутренней целост-

* Там же, стр. 242.

** Там же, стр. 259.

*** И. Я. Щипанов, вопреки всем бесспорным данным, делит идейное развитие В. Г. Белинского на два периода (Указ. сборник статей, стр. 236), но делает это без всякого основания. Лучший анализ разных периодов в развитии В. Г. Белинского принадлежит Р. В. Иванову-Разумнику (см. сочинения Р. В. Иванова-Разумника, т. V, а также предисловие к изданному им собранию сочинений В. Г. Белинского).

ностью, а в смысле собственного мировоззрения у Белинского можно отметить лишь его персонализм — убежденную и настойчивую защиту идеи личности. Здесь Белинский очень приближается к Герцену, но его построения развивались у него независимо от Герцена. Увлечение социализмом ничего не прибавило к философским идеям Белинского. Главное участие его в идейной диалектике тридцатых — сороковых годов исчерпывалось защитой персонализма.

Но посмотрим, насколько основательны утверждения о «материалистических взглядах» Белинского?

Отметим прежде всего, что сам Щипанов вынужден осторожно говорить лишь о «гениальных догадках» Белинского*.

Это очень напоминает знакомую уже нам развязную формулу о «стихийном материализме» разных русских мыслителей. Метод выхватывания отдельных фраз и построения на этом основании выводов таков, что с помощью его можно зачислить любого мыслителя одновременно в идеалисты и в реалисты, в материалисты и спиритуалисты, в метафизики и в позитивисты...

О материалистических воззрениях Белинского (о которых сами авторы этюдов говорят осторожно, как о «догадках») все выводы основываются именно на случайных его высказываниях. Так, например, мы читаем у Щипанова, что «в философии Гегеля Белинского больше всего привлекала диалектическая идея развития»**. В основание этого утверждения кладется фраза Белинского (из периода его увлечения Гегелем), что «возникновение и падение царств и народов не случайно, а внутренне необходимо»***. Можно ли из этого и из критики Белинским абсолютизма после Петра Великого заключить, что Белинский «не отбрасывал теории диалектического развития»? На самом деле Белинский в период увлечения Гегелем просто принимал его оценки и основанные на диалектике понятия суждения. В Гегеле Белинского привлекала, как много раз доказывалось в истории русской мысли, вовсе не диалектика как таковая, а его историзм, его связывание сферы идей с историческим процессом****.

---

* См. там же, стр. 257, 258, 265, *passim*; о «гениальных материалистических догадках» говорит и М. Т. Иовчук в предисловии к «Избранным философским произведениям В. Г. Белинского», тт. I–II. Москва, 1948, т. I, стр. 42.

** Из истории русской философии. Сборник статей под ред. И. Я. Щипанова, Москва, 1951, стр. 230.

*** Там же, стр. 240.

**** Эта сторона дела довольно подробно освещена в книге В. Иллерицкого «Исторические взгляды Белинского», Москва, 1953, но и для него В. Г. Белинский является «одним из корифеев русской материалистической философии», стр. 7.

При этом, в духе упрощенно понимаемого Гегеля, Белинский признает, что «все сущее... все есть мышление» *. Неудивительно, что в этот период Белинский впал в своеобразный политический квиетизм, о котором Д. И. Чижевский справедливо замечает, что здесь у Белинского есть черты «радостного фатализма» **. Впрочем, прав Чижевский, показывая на многочисленных примерах неустойчивость терминологии у Белинского, хотя это вовсе не отнимает у Белинского ценности его высказываний. Не имея необходимой философской подготовки, Белинский часто грешил против формальных требований мысли. Именно потому и нельзя его называть «великим мыслителем», хотя он и был мыслителем, жившим проблемами его эпохи.

И. Я. Щипанов утверждает категорически, что с 1844–1845 годов Белинский выступает уже как «окончательно сложившийся материалист в объяснении явлений природы» ***. Но для Белинского природа, вопреки этому утверждению, была полна жизни, поэзии. В этом у него навсегда осталась закваска шеллингизма. И как раз в 1844 году (в статье, посвященной сочинениям Пушкина) Белинский пишет:

«Природа и жизнь возбуждали бы только холодное удивление, если бы они не были насквозь проникнуты поэзией. Природа полна не одних органических сил — она полна поэзии» ****.

Правда, в письме к Боткину (1847) Белинский писал: «Метафизику к черту: это слово означает сверхнатуральное, следовательно, нелепость» *****.

Но нельзя видеть в этом «материалистическую догадку», так как если в этом же письме Белинский писал (как будто в духе материализма) — «деятельность мозговых органов — в этом нет никакого сомнения» *****, то он тут же добавляет: «Но кто же подсмотрел акт этих органов при деятельности нашего ума? Духовную природу человека не должно отделять от его физической природы, как что-то независимое от нее, но должно отличать от нее».

Как видим, перед нами типичная для этого времени установка натурализма; принимать это за материализм нет никаких оснований. Возьмем еще одну цитату, на которую любят ссылаться советские

* В. Г. Белинский. Избранные философские сочинения, Москва, 1950, т. I, стр. 234, 242.

** Д. И. Чижевский. Указ. соч., стр. 139.

*** Из истории русской философии. Сборник статей под ред. И. Я. Щипанова, Москва, 1951, стр. 242.

**** В. Г. Белинский. Указ. соч., стр. 64.

***** Там же, стр. 527.

***** Там же.

авторы. Вот что писал в небольшой заметке Белинский в том же 1847 году *: «Самые отвлеченные умственные представления суть не что иное, как результат деятельности мозговых органов».

Как будто снова перед нами материалистическое утверждение (типа «вульгарного» материализма, по терминологии советской философии). Но дальше говорится: «Ничего не может быть в уме, по мнению всех философов», что прежде не было в чувствах **, но Гегель *** прибавил: «кроме самого ума».

Сенсуализм в этих словах явно ограничивается. Правда, дальше снова колеблется мысль Белинского: «Прибавка эта (Лейбница) едва не подозрительна как порождение трансцендентального идеализма», а это для Белинского стало уже *instantia negativa*.

Искать у Белинского последовательности в системе идей невозможно. Потому-то и нельзя говорить о нем как о «великом мыслителе». Это вовсе не зачеркивает ценности размышлений и творчества Белинского, а его живое участие в философских беседах с друзьями определяет его значительную роль в идейной диалектике того времени.

Что сказать о фразах вроде: «Борьба противоположностей занимает почетное место в диалектике Белинского» ****? Говорить, что «Белинский как мыслитель поднялся на такую высоту в вопросах диалектики, что сумел догадаться, что борьба противоположностей является внутренней пружиной развития» ***** — значит или совершенно забыть, что все это — мысли не Белинского, а Гегеля, или рассчитывать на невнимание читателя... Вообще методы Щипанова заключаются в том, чтобы, выбирая из сочинений Белинского отдельные фразы и не ставя даже вопроса, повторяет ли он чужие мысли или говорит нечто свое, выдавать Белинского за ярого представителя диалектического метода.

Итак, все утверждения Щипанова, Максимова и Иовчука дают не увенчание Белинского, не уяснение его места во внутренней диалектике русской мысли, а наоборот, искажение подлинной ценности, подлинного значения Белинского в истории философии.

Отрывая Белинского от всей идейной среды, которая его окружала и действовала на него, советские авторы совершают недопустимую для

---

* Там же, стр. 348.

** Тезис сенсуализма.

*** Это ошибка: не Гегель, а Лейбниц.

**** Из истории русской философии. Сборник статей под ред. И. Я. Щипанова. Москва. 1931, стр. 269.

***** Там же.

историков ошибку. Те, кто не знает Белинского, из характеристик, приведенных нами из работ советских авторов, так и не узнают его. В этом грех, которого нельзя простить, так как вместо подлинного портрета замечательного русского человека, каким был Белинский, получилась олеография дурного вкуса. Ложь, даже если она хочет приукрасить действительность, не перестает быть ложью.

С. А. ЛЕВИЦКИЙ

<Западники-гуманисты. В. Г. Белинский>

<Фрагмент>

Главными представителями западничества были Белинский, Герцен и Михаил Бакунин. Каждый из них был яркой индивидуальностью, каждый оставил богатое литературное наследство и наложил свою неизгладимую печать на дальнейшие судьбы русской культуры. Я упоминал уже, что, будучи философски менее оригинальными, западники наложили большую печать на облик русской интеллигенции, чем славянофилы, которым суждено было быть недопонятыми.

Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848), прозванный за свою пламенность «неистовым Виссарионом», был ведущим русским литературным критиком, законодателем литературных оценок своего времени, к слову которого прислушивалась вся причастная литературе Россия. В его оценках немало промахов, но он обладал несомненным критическим чутьем и силой убеждения, и мы в значительной степени до сих пор оцениваем Пушкина, Лермонтова, Гоголя сквозь призму оценок Белинского. Но он был больше чем только литературным критиком — он был прирожденным трибуном, глашатаем общественных идеалов, почти что общественной совестью тогдашней России. Будучи философским дилетантом, он обладал тем не менее способностью схватывать нравственный смысл влиявших на него учений. Вообще для него характерна крайняя обостренность